

**«Мы грызем гранит науки, нас грызет нужда!»
(Материальное положение студенчества 1920-х годов)¹**

Аннотация: В статье на материалах студенческих центральных и региональных изданий реконструируются материальное положение и бытовые практик различных категорий советского студенчества в годы новой экономической политики. Анализу подвергнуты система пайкового и стипендиального обеспечения, деятельность комиссий по улучшению быта учащихся, студенческих кооперативов, землячеств и бытовых коммун.

Автор делает вывод, что несмотря на систему льгот на проезд, «недели помощи» профсоюзов и посылки из дома, материальное положение основной массы студенчества оставалось нестабильным, а студенческий бюджет был весьма напряженным. Разрешение большинства бытовых неурядиц ложилось на плечи самих учащихся, включая различные формы самоорганизации: кооперативы, кассы взаимопомощи, совместные столовые, договора с торгующими предприятиями о предоставлении одежды и обуви в кредит в счет стипендии и в рассрочку и т.п. Но значительной части студентов приходилось жить на случайные и редкие заработки.

Ключевые слова: жизненный мир, повседневные практики, быт, студенчество, рабфак, стипендия, льготы, кассы взаимопомощи, самопомощь

Современный интерес к истории повседневности двадцатых годов сместил исследовательский ракурс на бытовые практики различных слоев населения, оставляя нередко «за кадром» факторы, активно влиявшие на быт. В числе таких значимых факторов – материальное положение населения и, в нашем случае, такой мало защищенной и уязвимой социальной группы как студенчество.

Для современных исследователей понимание жизненного мира молодого человека раннего советского общества означает приближение к пониманию социокультурного феномена советского человека вообще.² При

---

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. «Мы грызем гранит науки, нас грызет нужда!» (Материальное положение студенчества 1920-х годов) // Духовность. 2012. № 2. С. 67-100.*

² *Синанов Б.А. Повседневная жизнь «нового студенчества» Северной Осетии в 1920-х гг.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Владикавказ, 2010. С. 4.*

этом под жизненным миром молодежи 1920-х гг. понимается «весь мир повседневности, каким он представлялся молодым людям».³

Поворот в изучении советской повседневности вообще и повседневных практик «красного студенчества», в частности, во многом определялся двумя факторами: существенным расширением источниковой базы (прежде всего, за счет источников личного происхождения) и методологического инструментария таких исследовательских направлений, как микроистория, новая локальная история, новая культурная история и др.⁴

В данной статье реконструкция бытовых практик различных групп студенчества 1920-х гг. основывается, в основном, на материалах студенческой печати, которая «является отдельной специфической системой периодики, которая функционирует и развивается по собственным законам».⁵

Особую группу составляют издания, ориентированные на пролетарское студенчество. Например, журнал «Вестник рабочих факультетов» значительную часть своих материалов посвящал описанию бытовых тягот жизни рабфаковцев. Тогда как московский журнал «Рабфаковец» ставил своей целью подвести итоги академической и культурно-просветительской

---

³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг. В 2 т. Т. 1. Краснодар: Перспективы образования, 2002. С. 12.

⁴ См., например: Амалиева Г.Г. «Сочувствую РКП (б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...»: Социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е годы // Советская социальная политика 1920-х-1930-х годов: Идеология и повседневность. М., 2007. С. 414-428; Андреев Д.А. «Красное студенчество» в начале 1920-х гг.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. СПб., 2007; Жиляков Д.А. Материально-бытовые проблемы студенчества сибирских вузов в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-1 (60). С. 50-51; Петаченко Г.А. Быт советского студенчества на страницах молодежных изданий 1920-х — начала 1930-х гг. // Российские и славянские исследования. 2010. Вып. 5 (60). [Электронная версия белорусского научного исторического журнала] <http://www.rsijournal.net/byt-sovetskogo-studentchestva-na-stranicaх-molodezhnyx-izdaniy-1920-x-nachala-1930-x-gg/>; Платова Е.А. Динамика образа жизни студенчества России (октябрь 1917-1927 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. СПб., 2007; Синанов Б.А. Материальное положение студенчества в 1920-е гг. // Современная методология и методика гуманитарных исследований. Материалы I Зимней школы-конференции молодых ученых, Владикавказ, 2007. С. 95-100. и др.

⁵ Наумова Ю.А. Студенческая пресса России. Ростов-на-Дону, 2008. С. 6.

работы рабфаковских организаций. Типичным для данного ряда изданий был выходивший в 1924-1925 гг. ежемесячник Исполнительного бюро профсоюзных секций Пермского университета и Рабочего факультета «Студент - пролетарий». Журнал, в большей степени ориентированный на освещение профессиональной и академической жизни университета и рабфака, тем не менее, имел специальный отдел «Житье-бытье». Осенью 1924 г. специально для студенчества начинает выходить орган ЦК ВЛКСМ журнал «Красная молодежь», львиная доля материалов которого отводилась под партийную информацию и советы пропагандистам и агитаторам. А в рубрике «Учеба и быт» самый большой блок публикаций был посвящен учебному процессу. Во многих регионах в 1923-1925 гг. при рабфаках или вузах создавались ежемесячные журналы для студенческой молодежи: «Красный студент» (Ленинград), «Студент-рабочий» (Свердловск), «Студенческая мысль» (Саратов), «Рабочий-студент» (Томск), «Студент Революции» (Харьков) и др. Там, где студенческих изданий в середине 1920-х гг. не было, место для студенческих публикаций предоставляли общеполитические издания. Ряд из них выделяли на эти цели еженедельно по полосе, другие ограничивались рубриками типа «Уголок студенческой жизни». Но в целом эти издания основное внимание уделяли рабочей и сельской молодежи, а не вузовской жизни.⁶ Тем не менее, общеполитические издания (как центральные, так и региональные) позволяют реконструировать общий контекст студенческого быта периода нэпа. В свою очередь, верификация приводимых в студенческих журналах сведений осуществляется с помощью, как официальных документов Наркомата просвещения и Главпрофобра, так и мемуаристики.

Бытовые практики периода нэпа в немалой степени зависели от культурных навыков студенческой молодежи, демонстрирующей широкую палитру социальных слоев и этно-конфессиональных групп, и идеолого-пропагандистских усилий новой власти в борьбе за «новый быт». Однако

---

⁶ Там же. С. 31-36.

уровень материального обеспечения (и самообеспечения) студентов весьма существенно корректировал бытовые практики. К плохой материальной обеспеченности, наряду с пролетарским происхождением, апеллировали исключенные в ходе «чисток» вузов студенты.⁷

Кроме того, разрыв между декларируемыми коммунистическими ценностями и реальными жизненными тяготами и неурядицами нэповской поры заставлял оценивать партийно-государственную политику в сфере образования не столько через организацию учебного процесса, сколько через предоставляемые материальные возможности для учебы. В общем, перефразируя известную фразу, можно сказать, что образовательная лодка нередко разбивалась о студенческий быт.

Несмотря на все попытки большевиков укрепить свои позиции в высшей школе и подчинить систему высшего образования общегосударственным и общественно-политическим задачам, к концу Гражданской войны разруха в хозяйственном состоянии институтов достигла своего апогея.⁸ При этом при всей неоднородности состава учащихся вузов по материальному достатку, значительной их частью являлись «нуждающиеся» или «неимущие» студенты.

Следует признать, что партия большевиков сразу после взятия власти официально заявила об оказании экономической поддержки студентам рабоче-крестьянского происхождения.⁹ Эта установка нашла отражение и в Программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б) в 1919 г.¹⁰ Первоначально дотация студенту составляла 600 руб. в месяц и считалась вполне достаточной для проживания,¹¹ но постепенно, по мере разрушения денежной системы и развития галопирующей инфляции, социальное

---

⁷ Андреев Д.А. Советский студент первой половины 1920-х: особенности самопрезентации // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 160-161.

⁸ Народное просвещение. 1920. № 74-75. С. 9.

⁹ Декреты Советской власти. Т. 2. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 138.

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и пленумах (1898-1986) Т. 2. М., 1983. С. 82-83.

¹¹ Народный Комиссариат по Просвещению. 1917- октябрь - 1920. Краткий отчет. М., 1920. С. 52.

обеспечение стало все менее соответствовать прожиточному минимуму. В результате учащиеся должны были рассчитывать на помощь со стороны или искать работу с пайком. Продуктовое довольствие вузов было очень скудным, да и поставлялось нерегулярно. Проблематичной оказывалась даже доставка продовольствия, так как многие вузы не имели своего обоза. Но и доставленных продуктов зачастую хватало на 5-6 дней.¹²

Особенно на снабжении вузов сказались продовольственные затруднения весны 1921 г. Например, в петроградских технических институтах обеспечение учащихся постоянно ухудшалось уже с конца 1920 г., в силу чего к маю 1921 г. студенческое довольствие было в 2,5 раза ниже определенной нормы.¹³ Среди учащихся даже распространялись слухи о предстоящем прекращении занятий и роспуске студентов из-за недостатка продовольствия. Впрочем, подобные слухи имели под собой основание. Хотя в конце марта 1921 г. Главпрофобр¹⁴ заявлял о ложности подобных слухов,¹⁵ но в мае лекции уже не проводились, так как Совнарком РСФСР урезал общее количество пайков для учебных заведений на половину.¹⁶ Осенью этого же года по причине сохранявшихся продовольственных затруднений многие учебные заведения отложили начало учебного семестра.

Государственное обеспечение, бывшее одним из механизмов регуляции студенческого контингента (прежде всего, слушателей рабочих факультетов), в годы нэпа стало важным и определяющим для значительного числа студентов. Но на местах власти нередко уделяли мало внимания нуждам вузов вообще и рабфаков, в частности. Хотя тому было объяснение. В частности, назначение рабфаковцев на пайки происходило медленно из-за

---

¹² Томский технологический институт за 25 лет своего существования. 1900 - 1925 (Юбилейный сборник). Томск, 1928. С. 117.

¹³ Наркомпрос. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений. 1921. № 32. С. 8.

¹⁴ Главное управление профессионального образования, учрежденное в составе Наркомата просвещения РСФСР в 1921 г. на базе Главного комитета профессионально-технического образования и руководившее подготовкой кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры.

¹⁵ Бюллетень Главпрофобра. 1921. № 9. С. 3.

¹⁶ Там же. 1921. № 14. С. 2.

необходимости согласования местных профессиональных, снабжающих и исполнительных органов власти с их организациями в Центре. В результате снабжение «обстояло крайне не аккуратно и в совершенно ничтожном размере». С обострением продовольственного кризиса в стране в 1921 г. рабфаковцев перевели на меньшую норму снабжения, причем в лучшие условия были поставлены только студенты, командированные на обучение.¹⁷ Кроме того, государственный паек учащихся содержал всего 1443 калории в день при норме «голодного пайка» для лиц интеллигентного труда в 2400 калорий. Месячный паек учащихся состоял из 36 фунтов муки, 4 фунтов мяса, ½ фунта жира, ½ фунта сахара, 1/3 фунта кофе и 2 фунтов соли, но выдавался, как правило, «с урезыванием ряда продуктов».¹⁸

Причем ситуация в связи с переходом к нэпу изменилась к худшему. В частности, с осени 1921 г. с государственного снабжения были сняты 20% студентов основных факультетов.¹⁹ Студенческие журналы 1922-1923 гг. пестрели многочисленными заметками о крайней скудности пайка и его нерегулярной выдаче. Были случаи, когда он выдавался некачественными продуктами. Что касается рабфаковцев, переведенных с продовольственного пайка на стипендию, то денежные выплаты иногда не производились из-за отсутствия кредитов на местах или производились с опозданием на несколько месяцев, но по старому курсу обесценивающегося быстрыми темпами совзнака.²⁰ По свидетельству одного из петроградских студентов, такой стипендии иногда хватало «только на проезд в трамвае в один конец за Невскую заставу».²¹ Правда, первое время рабфаковцам, командированным профсоюзами, выплачивалась разница между средним заработком рабочих и служащих соответствующей квалификации и скудным стипендиальным

---

¹⁷ Вестник Рабочих факультетов. 1922. № 2-6. С. 81.

¹⁸ Бюллетень Главпрофобра. 1921. № 32. С. 6.

¹⁹ Там же. № 31. С. 7.

²⁰ Знамя Рабфаковца. 1922. № 1. С. 45.

²¹ На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под общей ред. В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 235.

обеспечением, но скоро это положение было отменено.²² Не удивительно, что из-за плохих материально-бытовых условий жизни многие рабфаковцы прекращали обучение. Так, на Уральском рабфаке в ноябре 1921 г. было созвано собрание, вызванное «все учащимися заявлениями студентов о предоставлении отпусков для поездки домой за обмундированием и продовольствием и т.д., а также откомандировании их с рабфака в распоряжение командированных организаций».²³

Новые принципы стипендиального обеспечения были изложены в Постановлении Совнаркома РСФСР «О государственных и частных стипендиях» от 26 мая 1922 г. Согласно постановлению, государственная стипендия включала продовольственное и вещевое снабжение, денежные выплаты и право пользования общежитием. Количество и размер госстипендий, включенных в смету Наркомпроса, на каждый год устанавливало правительство. В первую очередь стипендиальное обеспечение распространялось на принятых в высшую школу рабфаковцев, затем – на командированных партийными и профессиональными организациями, преимущественно представителей пролетариата и трудового крестьянства. В последнюю очередь на помощь со стороны государства могли претендовать успевающие и талантливые из наиболее нуждающихся студентов.²⁴

В 1922 г. Совнаркомом выделено для студентов вузов и слушателей рабфаков РСФСР 50 тыс. стипендий.²⁵ Если принять в расчет, что рабфаковцы дневных отделений обязательно получали стипендии, то среди студентов основных факультетов распределялось менее половины всех стипендий. Скудность пайка, нестабильность и мизерность денежных выплат заставляли стипендиатов (а тем паче не состоящих на государственном обеспечении студентов) полагаться на другие источники доходов.

---

²² Вестник рабочих факультетов. 1922. № 2-6. С. 164; Бюллетень Главпрофобра. 1922. № 4. С. 8.

²³ Студент – Рабочий. 1921. № 5. С. 14.

²⁴ Бюллетень Главпрофобра. 1922. № 11-12. С. 8-9

²⁵ Красная молодежь. 1924. № 1. С. 122.

На 1923-1924 учебный год сумма государственной стипендии была увеличена с 8 до 10 руб. для студентов Москвы, Ленинграда и ряда рабочих центров (Урала, Нижнего Новгорода и Иваново-Вознесенска) и с 5 до 8 руб. - для провинциальных вузов. Но одновременно учащимся перестали выдавать продуктовые пайки.²⁶ Всего в этом году Наркомпрос предоставил студентам 38960 стипендий, что охватывало около 30% всего студенчества и 74% его пролетарской части.²⁷ С начала 1924-1925 учебного года размер стипендий был в очередной раз увеличен: до 20 руб. в столицах и рабочих центрах и до 15 руб. - в провинции. Но при этом количество стипендий было сокращено до 34 тыс. И это несмотря на то, что рабоче-крестьянская прослойка студенчества по итогам чистки и приема лета 1924 г. выросла на почти на 7%. В итоге удельный вес имевших стипендии студентов (в том числе, пролетарской части студенчества) на деле снизился. Так, в Москве число стипендиатов сократился с 40% до 30%, в Ленинграде – с 30% до 22%, а в рабочих центрах и провинции – с 25% до 21%.²⁸

Для урегулирования вопроса распределения государственных стипендий среди студентов в конце 1925 г. Наркомпросом была опубликована новая инструкция, раскрывающая и уточняющая принципы стипендиального обеспечения. Как и прежде, полностью удовлетворялись стипендиями выпускники рабочих факультетов. По новым правилам на стипендиальное довольствие ставились члены профсоюза с рабочим стажем или стажем ответственной профессиональной, партийной или боевой красноармейской работы не менее 5 лет, а также командированные на учебу партийными или исполнительными советскими органами крестьяне-батраки. Оставшиеся стипендии распределялись между рабочими, крестьянами, служащими и их детьми. Причем при прочих равных условиях преимущество отдавалось представителям «культурно-отсталых» народностей, женщинам,

---

²⁶ Народное просвещение в РСФСР к 1924/25 учебному году (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1923/24 год). М., 1925. С. 34.

²⁷ Красное студенчество. 1925. № 6-7. С. 37.

²⁸ Красная молодежь. 1924. № 1. С. 122.

инвалидам труда и войны. Не могли претендовать на стипендию лица, имевшие постоянный заработок или находящиеся на иждивении граждан и семей, общий заработок которых, поделенный на число иждивенцев превышал полуторный размер госстипендий.²⁹

С начала 1926-1927 учебного года в инструкцию, на основе которой действовали стипендиальные комиссии институтов, были внесены некоторые изменения. В частности, из поступивших в высшую школу рабфаковцев на стипендию могли рассчитывать отвечающие требованиям приема 1924/1925 г. Среди лиц, подходящих для зачисления на стипендию по своему социальному положению, выбор делался в пользу наиболее успевающих. Также оговаривалась, что студент мог быть снят со стипендии в течение учебного года только по распоряжению стипендиальной комиссии вуза и после утверждения Центральной стипендиальной комиссией в Москве.³⁰

В развитие данной инструкции Наркомпросом давалось разъяснение, что «на стипендию нужно смотреть ни как на социальное обеспечение нуждающихся, а как на средство подготовки общественно-активных и хорошо образованных советских специалистов, и в первую очередь из рабочих и крестьян». Поэтому в основу оценки кандидата на стипендию ложилась не столько его нуждаемость, сколько его ценность как будущего специалиста. Впрочем, составители инструкции явно пытались сидеть на двух стульях. Кроме рабочих и крестьянской бедноты, «имеющих большой производственный стаж» и рабфаковцев, на стипендию зачислялись студенты, проявившие «революционно-общественную активность как в прошлом, в особенности в период гражданской войны», так в настоящем. Наряду с активистами, на стипендии могли рассчитывать студенты, имевшие стаж практической работы по изучаемой специальности, например, учителя на педагогических, фельдшера и сестры на медицинских и агрономы на агрономических факультетах. И только в последнюю очередь

---

²⁹ Еженедельник Наркомпроса. 1925. № 41. С. 5-7.

³⁰ Там же. 1926. № 37. С. 15-16.

рекомендовалось зачислять на стипендии студентов, «проявляющих большие способности и широкий интерес к изучаемой ими специальности».³¹

Распределение стипендиального фонда по вузам во второй половине 1920-х годов производилось Центральной стипендиальной комиссией при Главпрофобре, исходя из расчета классово-партийного контингента в вузе и специализации института. В частности, некоторое прибавление количества стипендий для педагогических и сельскохозяйственных вузов было связано с недобором в них, слабым пролетарским составом и необходимостью привлечения в них выходцев из рабочих и крестьян. Пресса фиксировала бытовавшие представления, что «Педвуз готовит безработных», или «Идти в педвуз – значит заранее обречать себя на неудачу в жизни». Также учитывалось, что студентам индустриально-технических вузов оказывалась помощь со стороны хозяйственных предприятий и профильных наркоматов.³²

Тем не менее, и во второй половине 1920-х гг. заявки вузов на предоставление стипендий превышали их наличное количество. Жалобы студентов свидетельствовали, что нередко из числа первокурсников денежную помощь получали только бывшие рабфаковцы. Иногда даже для обеспечения вновь принятых студентов необоснованно снимали со стипендии старшекурсников, принося их в «жертву, как старших братьев, для спасения душ нового приема».³³

Таким образом, система стипендиального обеспечения продолжала играть существенную роль в пролетаризации высшей школы, поскольку классовая принадлежность и общественная активность являлись главным аргументом в решении вопроса о назначении стипендии. Только с 1932 г. материальная помощь со стороны государства превратилась в средство

---

³¹ Там же. 1925. № 45. С. 5-7; 1926. № 43. С. 5; Красное студенчество. 1926. № 3. С. 15-17.

³² Красное студенчество. 1926. № 3. С. 14; 1927. № 2. С. 10.

³³ Там же. 1926. № 8. С. 26.

повышения качества подготовки специалиста, когда ее получение начало зависеть только от курса и успеваемости учащихся.³⁴

Помимо государственного обеспечения, государственным и частным учреждениям и предприятиям, общественным, кооперативным, профессиональным и партийным организациям по соглашению с Наркомпросом, ВЦСПС и Наркоматом труда разрешалось учреждать собственные стипендии для студентов. Размер хозяйственных стипендий был выше государственной, доходя до 100-120 руб. Хотя наиболее распространенной была денежная выплата в 40-50 руб.³⁵ Хотя точного учета таких стипендий по вузам и рабфакам РСФСР не велось, по подсчетам А.П. Купайгородской в 1924 г. на ленинградское студенчество пришлось 1572 частные стипендии. Лучше других ими были обеспечены студенты технических вузов, поскольку заинтересованные в их будущей работе наркоматы и тресты имели возможность выделять дополнительные средства. Тогда как на Консерваторию и Институт сценических искусств не было выделено ни одной хозяйственной стипендии.³⁶ Да и в целом фонд хозяйственных стипендий был непостоянен. В силу того, что по постановлению 1922 г. они могли учреждаться не более чем на один год, государственные и хозяйственные органы по истечению этого срока часто прекращали их выдачу.

Поэтому в 1924 г. вышло постановление, по которому учреждаемые наркоматами стипендии стали считаться государственными. То есть был взят курс на ликвидацию хозяйственных стипендий и включение их в бюджетное финансирование. Их распределение передавалось Центральной стипендиальной комиссии, с той только разницей, что давались такие стипендии не всем вузам и факультетам, а только тем, которые готовили специалистов для данной отрасли народного хозяйства. Раньше других были

---

³⁴ Чанбарисов Ш.Х. Формирование Советской университетской системы. М., 1988. С. 133.

³⁵ Красное студенчество. 1925. № 6-7. С. 40.

³⁶ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.). Л., 1984. С. 134.

централизованы стипендии ВСНХ, которые давались индустриальным вузам и техническим факультетам. Также были учтены стипендии наркоматов путей сообщения и промышленности и торговли. Тогда как централизации в учете финансовой помощи других наркоматов и ведомств, торговых и советских органов и учреждений, общественных организаций не было произведено. Эти стипендии сохранялись, но охватывали теперь незначительный круг студентов. Поэтому в апреле 1927 г. правительство РСФСР обязало госучреждения и предприятия, которые в предыдущем учебном году выплачивали студентам хозяйственные стипендии, сохранять их до окончания стипендиатами учебных заведений.³⁷ В 1928-1929 учебном году декретом Совнаркома СССР хозяйственным органам было предоставлено право дотаций к государственным стипендиям.³⁸ Одновременно с этого же года часть вузов была передана в ведение ВСНХ и НКПС с возложением на них обязанности материального обеспечения учащихся. Расширилось и стипендиальное обеспечение рабочих факультетов. Если на протяжении 1920-х гг. оно проводилось по фактическому числу студентов дневных отделений, то в 1929 г. было отпущено 500 стипендий для оканчивающих вечерние отделения.³⁹ И все-таки, несмотря на рост числа стипендиатов и размера денежных выплат, во второй половине 1920-х гг. стипендиями обеспечивалось менее половины общего числа студентов.

Еще одним направлением по оказанию материальной помощи со стороны государства было установление льгот на проезд для студентов вузов и рабочих факультетов по железным дорогам и внутренним водным речным путям страны. Частично бесплатные литеры на проезд учащимся давались еще с начала 1920-х гг., а с 1923 года сложилась система льготных тарифов. Бесплатным проездом пользовались студенты-стипендиаты рабочих факультетов и студенты, командированные в вуз партийными

---

³⁷ Еженедельник Наркомпроса. 1927. № 19. С. 25.

³⁸ ВЦСПС. Студенческие профессиональные организации. 1927-1929. Отчет ЦБ Пролетстуда ВЦСПС III Всероссийскому съезду пролетарского студенчества. М., 1929. С. 91.

³⁹ Там же. С. 93.

организациями. 75% скидку на проезд получали стипендиаты вузов. В свою очередь, 50% стоимости билета оплачивали студенты вузов и рабфаков, не состоящие на стипендиальном обеспечении, а также уезжающие на производственную практику.⁴⁰ Впрочем, льготы на проезд существовали только на время студенческих каникул, причем студент мог воспользоваться этим правом только один раз в год. Тогда как проезд на практику стал для студентов бесплатным только с 1926 года.⁴¹ С 1927 г. 75% льготный тариф был отменен, но при этом расширился круг студентов, пользовавшихся бесплатным проездом.⁴²

Льготным был студенческий проезд и на пригородном транспорте, а по договоренности с городскими властями для части студентов льготы распространялись на городской транспорт. Между студентами распределяли бесплатные или со скидкой разовые талоны на проезд, но их количество было ограничено. Например, в 1924 г. в Тимирязевской сельскохозяйственной академии давали 20 талонов в месяц на человека.⁴³ Поэтому с целью сокращения трамвайных расходов студенты добирались до института или общежития пешком. Студенты, живущие в Московском приемнике «Гальяновка», расположенном далеко от учебных заведений считали «не вредным ездить бесплатно». Правда тут требовалась сноровка: «Ежели народу много, напирай – доедешь. Или другой способ: садись на трамвай, спросят билет, спрашивай в обратную сторону – доедешь. .... Контроль не придет, кондуктор не съест, так и живем».⁴⁴

Кроме того, с начала новой экономической политики целый ряд предприятий, обслуживающих студентов (бани, починочные мастерские, прачечные) были закрыты или стали платными. Теперь покрывать расходы на такие насущные потребности, как стирка белья, починка обуви и баня

---

⁴⁰ Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса. 1923. № 27. С. 7-9.

⁴¹ Еженедельник Наркомпроса. 1926. № 28. С. 11.

⁴² Красное студенчество. 1926. № 6. С. 85.

⁴³ Красная молодежь. 1924. № 3. С. 137.

⁴⁴ Красное студенчество. 1926. № 2. С. 63.

студент должен был самостоятельно. На студенческие плечи в ряде случаев (особенно в первой половине десятилетия) ложилось создание нормальных условий для учебы: заготовка дров для отопления учебных корпусов, починка отопления и водопровода, ремонт зданий и т.п. Например, «на собранную путем отчисления муки студенты казанцы в 1922 году отремонтировали отопление Университета».⁴⁵ С использованием «самообложения» учащихся (государственные стипендиаты отдали двухмесячную летнюю стипендию, а остальное студенчество было обложено взносами) летом 1924 г. был восстановлен Ленинградский политехнический институт имени М.И. Калинина.⁴⁶

Некоторым студентам, как указывалось выше, поддержку оказывали учреждения и предприятия, направившие их в высшую школу. Сохранилось свидетельство студента 1920-х гг. М.Е. Еремеев, что почти в течение всего времени пребывания на рабфаке им «выдавали из скудного заводского рациона дополнительное питание».⁴⁷ Кроме того, на время летних каникул предприятия принимали студентов на работу. Более того, в первой половине десятилетия учащиеся могли оставаться членами профсоюзов командировавших их органов и обращаться туда в случае необходимости. Например, в 1924 г. профсоюзной секции железнодорожников Уральского университета удалось обеспечить производственной стипендией всех командированных Пермской и Омской железными дорогами. Некоторые из них были снабжены учебными пособиями, мануфактурой и обувью. Им даже выделили билеты на пользование баней.⁴⁸

Но чаще всего содействие командирующих организаций ограничивалось направлением молодого человека на учебу. Осенью 1921 г. декан Уральского рабочего факультета по поводу нового приема сетовал, что

---

⁴⁵ Пролетарское студенчество. 1922. № 2. С. 55.

⁴⁶ Красная молодежь. 1924. № 3. С. 138-139.

⁴⁷ На штурм науки. ... Л., 1971. С. 230.

⁴⁸ Студент – Рабочий. 1924. № 7. С. 58-59.

«послали раздетых и голодных».⁴⁹ Подобные претензии звучали и последующие годы. Командирующие организации (особенно волостные органы) зачастую не снабжали командированных «средствами не только на существование до получения стипендии, но и на дорогу». В силу этого положение командированной деревенской бедноты характеризовалось как «самое жалкое». Отмечались случаи, когда «присланный на рабфак кандидат был вынужден просить себе на улице на кусок хлеба».⁵⁰

Некоторое содействие по улучшению материального положения студенчества оказывали городские исполнительные органы власти, выделявшие для распределения между учащимися бесплатные (или со скидкой) талоны для проезда на городском транспорте, посещения бани и по оплате коммунальных услуг. Но такие льготы существовали далеко не везде, что отмечалось на первой Всесоюзной конференции пролетарского студенчества в апреле 1925 года.⁵¹

С целью привлечения большего внимания к нуждам высшей школы на местах создавались специальные комиссии. Например, в 1921 г. была образована комиссия содействия Уральскому рабфаку, в которую входили представители губкома партии и Уральского бюро ВЦСПС. Впрочем, ее функции свелись к исследованию положения рабфаковцев и ходатайствам перед хозяйственными ведомствами и снабжающими органами об отпуске средств.⁵² В Москве при Президиуме Московского совета функционировала Комиссия по улучшению быта пролетарского студенчества. В ряде городов (Петрограде, Воронеже, Нижнем Новгороде, Саратове и др.) при губернских исполкомах учреждались Комиссии по улучшению быта учащихся (КУБУЧ), действовавшие преимущественно по принципу поощрения экономической самоорганизации студенчества.

---

⁴⁹ Там же. 1921. № 5. С. 15.

⁵⁰ Красное студенчество. 1925. № 8. С. 44.

⁵¹ Красная молодежь. 1925. № 5. С. 100.

⁵² Студент-рабочий. 1921. № 5. С. 16.

Наиболее успешной была работа созданного в апреле 1923 г. КУБУЧа в Петрограде, в работе которого участвовали представители губкома, губисполкома, Главпрофобра и выборных студенческих организаций. Его деятельность велась по двум направлениям: изысканию средств и организационному их распределению и подысканию и предоставлению студентам работы. Распределение доходов от общестуденческих кампаний и предприятий КУБУЧа и пожертвований производилось коллективно для каждого вуза. В состав комиссии входили: центральная студенческая трудовая артель «Красный студент» (практически центральная студенческая биржа труда, объединявшая все артели при вузах и рабфаках и все производственные мастерские); рекламное бюро и издательство, издававшее дешевые книги и учебники для вузов, а также плакаты, агитационные брошюры и т.п. Также в составе Петроградского КУБУЧа было Тарифно-экономическое бюро, ведавшее проверкой железнодорожных накладных и взысканием претензий за переборы, порчу грузов и их недостачу. В свою очередь, Театрально-музыкальное бюро снабжало студентов льготными театральными билетами и билетами в кино, а также обслуживало учащихся концертами, вечерами и лекциями по льготным ценам. В первой половине 1924 г. доходы Петроградского КУБУЧа, объединявшего 25 вузов и 10 рабфаков города на Неве, достигли почти 335 тыс. руб. Из них 24 935 руб. было отпущено на ремонт студенческих общежитий и столовых, и 99 541 руб. ассигнован на аккредитование студенческих столовых. Кроме того, Комиссия выдала мануфактуры и обуви на сумму 1 705 руб., 12 355 руб. получили заимообразно студенческие кассы взаимопомощи и студенческая кооперация, и 1 590 руб. было выделено на индивидуальную помощь. 15 512 руб. было израсходовано на отправку 325 студентов на курортное лечение и в дома отдыха. Артель «Красный студент» получила субсидию в размере 9 300 руб. на организацию производственных мастерских. 8 787 руб. Комиссия внесла в фонд издания учебников.⁵³

---

⁵³ Красная молодежь. 1924. № 3. С. 137-138; Красный студент. 1924. № 6. С. 40;

Активная деятельность Ленинградского КУБУЧа по улучшению студенческого быта продолжалась и во второй половине десятилетия. Так, в 1927-1928 учебном году он издал 30 учебников, организовал здравницу в Крыму, пропустив через нее 650 больных студентов, осуществил кредитование студенчества на 75 тыс. руб. учебно-канцелярскими принадлежностями. В этом же году им было выдано 13 тыс. руб. на стипендии и дотации, 77 тыс. для субсидирования касс взаимопомощи, студенческих коммун и яслей, и 75 тыс. - рублей на лечебную помощь. Кроме того, на 5 тыс. руб. было бесплатно роздано учебников.⁵⁴

Справедливости ради следует заметить, что не всем КУБУЧам (особенно в провинции) удалось так удачно построить свою работу. Тем не менее, там, где комиссии были образованы, они брали на себя руководство так называемой «неделей помощи пролетарскому студенчеству», которая практически повсеместно проводилась с начала 1923 г.⁵⁵ В Москве было несколько центров проведения кампании, одним которых стала Комиссия при губернском союзе работников просвещения. При ней были сформированы 3 секции: агитационно-издательская, театральнo-лекционная и хозяйственная. По месткомам работников просвещения были разосланы агитаторы, которые побуждали делать единовременные 0,5%-ые отчисления с месячного жалования в пользу студенчества. В некоторых местах под влиянием студенческих агитаторов принимались решения делать отчисления в течение шести месяцев или даже постоянно. Члены театральнo-лекционной секции взяли на учет все большие залы Москвы, обошли всех популярных лекторов, артистов, ученых и принялись за устройство лекций, концертов и спектаклей. Хозяйственники выхлопотали бесплатные газеты, книги и

1925. № 2. С. 38.; Красное студенчество. 1926. № 8. С. 47; Весь Ленинград на 1925 год. Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1925. С. 4.

⁵⁴ ВЦСПС. Студенческие профессиональные организации. 1927-1929. Отчет ЦБ Пролетстуда ВЦСПС III Всероссийскому съезду пролетарского студенчества. М., 1929. С. 98-99.

⁵⁵ Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса. 1923. № 9. С. 13.

бумагу для журнала.⁵⁶ Именно этой Комиссией был издан 5-тысячным тиражом журнал «Студент», освещавший ход этой акции. Чуть ли ни на каждой странице журнала были помещены лозунги проводимой кампании помощи студенчеству: «Мы грызем гранит науки, нас грызет нужда!», «Голодным студентам учиться невмочь – ты должен голодным студентам помочь!», «Студентов от жизни тяжелой спасайте червонной бумажкой!», «Тому, кто шлифует наукой мозги, хоть чем-нибудь да помоги!» и т.п.⁵⁷ Помимо ярких призывов, журнал содержал статьи, характеризующие положение студентов ряда вузов столицы. В одной из них предлагалось отказаться от сооружения памятника А.Н. Островскому, с тем чтобы потратить выделенные правительством 90 тыс. руб. на 750 годовых стипендий: «Кто скажет, что памятник Островскому нужней? Никто. Кто скажет: пусть голодают 750 студентов, за то у нас будет памятник Островскому? Никто».⁵⁸

Кампания постепенно распространялась в регионы. Так, в апреле 1923 г. начался двухнедельник помощи вузам Сибири,⁵⁹ а в Донском политехническом институте «неделя помощи пролетарскому студенчеству» была проведена в сентябре 1923 г.⁶⁰ Уральским государственным университетом в январе 1924 г. был устроен повторный «двухнедельник», в котором участвовало до 95% студентов.⁶¹ В итоге в Екатеринбурге и семи окружных городах Уральской области было собрано до 25 тыс. руб. И это при том, что многие хозяйственные органы, профсоюзы и организации проигнорировали эту кампанию.⁶²

Конечно, на практике результаты «недель помощи» были различны по разным регионам и вузам. Например, в Череповце за «трехдневник помощи

---

⁵⁶ Студент. 1924. С. 12.

⁵⁷ Там же. С. 1,2,3,5,6,10.

⁵⁸ Студент. 1924. С. 7.

⁵⁹ Гольдфарб С., Щербаков Н. Иркутский Государственный Университет. 1918-1998. Хроника событий. Иркутск, 1998. С. 41-42.

⁶⁰ Студент-Рабочий. 1924. № 4-5. С. 95.

⁶¹ Студент-Рабочий. 1924. № 7. С. 50-51.

⁶² Там же. 1924. № 4-5. С. 93; № 7. С. 50-57.

студенчеству» было собрано около 95 тыс. руб. и, что более важно, уезды выделили до 40 стипендий по 15 руб. золотом.⁶³ В Воронеже «неделя» дала 20 тыс. руб., направленные в фонд местного КУБУЧа. 63 тыс. руб., собранные в «неделю помощи пролетарского студенчества» в Петрограде, позволили развернуть работу ленинградского КУБУЧа.⁶⁴ Тогда как другие города сообщали о малой эффективности проведенной кампании. В частности, в Грозном, где «отрываясь на неделю от учебы, многие товарищи отстали от своих групп» собранная сумма оказалась «слишком мизерна (приблизительно 1000 рублей)».⁶⁵

Но в целом подобные кампании приносили свои плоды. Отчислениями от зарплаты или выполнением сверхурочных работ, вырученные деньги за которые шли на улучшение положения студенчества, откликнулись не только рядовые рабочие. ЦК РКП (б) стал отчислять 1% с кредитов парторганизаций: эта сумма распределялась между губкомами партии для выдачи пособий студентам-коммунистам, командированным на учебу. Кроме того, каждый член партии вносил в фонд помощи учащимся 1% своего жалования. В феврале 1924 г. начали делать отчисления с зарплаты сотрудники Президиума ВЦИК: для рядовых работников Президиума они составляли 0,5%, а для ответственных – 1%. В 1923 г. комиссия помощи пролетарским студентам была создана при «Обществе старых большевиков». Уже за первые несколько дней своего существования эта комиссия «добилась от разных учреждений ежемесячных пожертвований в размере 6 тыс. пудов продуктов питания и 5 тыс. дол.»⁶⁶

В сентябре 1924 г. по инициативе группы руководящих профсоюзных работников и Центрального Бюро пролетарского студенчества было создано Всесоюзное Общество помощи пролетарскому студенчеству (ВОПРС), поставившее задачу «объединить и организовать усилия трудящихся СССР к

---

⁶³ Еженедельник Наркомпроса. 1923. № 12. С. 6.

⁶⁴ Красный студент. 1924. № 6. С. 40.

⁶⁵ Красная молодежь. 1925. № 2. С. 128.

⁶⁶ Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 130-131.

помощи студенчеству и направить эту помощь по должному пути». ⁶⁷ ВОППС строилось на основе добровольного членства организаций, учреждений, предприятий, отдельных граждан и коллективов, вносящих установленные взносы. Средства общества также складывались из пожертвований, доходов от предприятий и помощи зарубежных организаций. Согласно Уставу, Общество оказывало «пролетарскому студенчеству в меру своих средств материальную коллективную помощь» путем организации бесплатного и дешевого общественного питания, поддержания существующих студенческих общежитий и развертывание новых, снабжение студентов учебниками и учебными пособиями, организацией домов отдыха и санаторий, открытия мастерских и т.д. ⁶⁸

В губернских и уездных городах ВОППС открывал свои филиалы. Например, Уральское отделение ВОППС отпускало Уральскому государственному университету около 3 тыс. руб. в месяц. Благодаря этому студенчество получало в университетской столовой обеды по льготным ценам. ⁶⁹ Через ВОППС проводилось распределение обмундирования, поступившего от Комиссии заграничной помощи при ВЦИК, им устраивались в Москве по льготной цене киносеансы для студентов. ⁷⁰ Но широко развернуть свою деятельность ему не удалось. На I Всесоюзной конференции пролетарского студенчества в апреле 1925 г. было решено на основе местных отделений ВОППС учреждать КУБУЧи. ⁷¹

Определенную помощь российские студенты получали и от иностранных обществ. Так, в 1921 году в связи с голодом в Поволжье на территории Советской России была разрешена деятельность «Американской администрации помощи» (АРА), созданной в 1919 г. для содействия европейским странам, пострадавшим в Первую мировую войну. О появлении в Петрограде АРА вспоминала студентка тех лет Р.И.Маркова: «Кое-где

---

⁶⁷ Всесоюзное общество помощи пролетарскому студенчеству. М., 1924. С. 5.

⁶⁸ Там же. С.7-8.

⁶⁹ Студент-Рабочий. 1925. № 1. С. 115-116; № 2-3. С. 113.

⁷⁰ Красное студенчество. 1925. № 3-4. С. 140-141.

⁷¹ Красная молодежь. 1925. № 5. С. 111.

стали открываться аровские столовые. Открылась такая и на Васильевском острове. Студентам иногда перепали талоны на обед».⁷² С АРА налаживали связи и провинциальные вузы. Так, для Уральского университета ей выделялись 200 пайков, «благодаря которым была организована при студенческих общежитиях столовая, существовавшая до летнего перерыва». При ликвидации АРА весной 1923 г. удалось получить еще 1000 пайков, переданных для организованного дома отдыха.⁷³ АРА также помогала студентам одеждой и предметами обихода. Так, в ведение общежитий рабфаков и вузов ею были переданы 200 кроватей и 400 штук одеял.⁷⁴ В целом конце 1923 г. за счет поступлений от заграничных организаций студенты университетских городов получали до 16 тыс. обедов.⁷⁵ Распределялись деньги, продовольствие и вещи посредством Комиссии заграничной помощи ВЦИК, только в 1924 г. передавшей в Московское бюро пролетарского студенчества 30 тыс. руб., которые были решено потратить на закупку учебников и улучшения лабораторий при вузах.⁷⁶ В этом же году Комиссия передала II МГУ 448 пудов продуктов, «которые, за редким исключением помощи бедным студентам, отдавались в студенческие столовые».⁷⁷ При ее содействии закупались и места в домах отдыха.

Обслуживание студенчества в вузах сосредотачивались в специальных отделах при Правлениях или в студенческих профессиональных организациях, все более укреплявших свои позиции в высшей школе. При исполнительных бюро профсоюзных секций стали появляться Комиссии по улучшению быта студенчества (КУБС), бравшие на себя руководство кассами взаимопомощи, производственными мастерскими, столовыми и буфетами, обслуживанием учащихся, изысканием средств путем организации платных концертов, лекции, диспутов и т.д. То есть, в их основе лежала

---

⁷² На штурм науки. ... Л., 1971. С. 80-81.

⁷³ Студент-Рабочий. 1924. № 4-5. С. 89.

⁷⁴ Там же. С. 95.

⁷⁵ Чанбарисов Ш.Х. Указ. соч. С. 31.

⁷⁶ Студент-Рабочий. 1924. № 1. С. 69.

⁷⁷ Красная молодежь. 1924. № 4. С. 104.

широкая самодеятельность самих студентов и помощь общественности. Благодаря содействию Моссовета, Нарпита, Наркомпрода и других организаций КУБСу I МГУ удалось успешно наладить свою работу. На средства от платных вечеров и концертов, и за счет переданных ВСНХ старых пишущих машинок КУБСом были созданы курсы машинописи, обучающие до 300 чел., 30% которых были студентами и рабфаковцами. Существовала собственная мастерская по ремонту пишущих машинок, обслуживающая по договорам различные учреждения. КУБСом также было организовано бюро переписи и переводов с иностранных языков, к работе которого привлекались студенты факультета общественных наук. КУБС был единственным представителем в Москве акционерного общества «Книга», а благодаря льготной покупке нескольких автомобилей, организовал собственный транспортный отдел. Существовали также лекционно-концертное бюро и различные производственные и торговые предприятия.⁷⁸ Вскоре, правда, на КУБС I МГУ обрушилась критика, указывающая на бесхозяйственность, бесконтрольность в его деятельности и наличие целого ряда злоупотреблений. Была поставлена под сомнение сама правомерность существования КУБСов как формы студенческой организации. Отмечалось, что во многих местах Комиссии по улучшению быта студенчества «пошли по неправильной линии, попали на удочку спекулянтов и превратились из органов, обслуживающих студенчество, в источник наживы для «работающих» в них».⁷⁹ Поэтому сначала на II Межсоюзной губернской конференции, а затем на I Всесоюзной конференции пролетарского студенчества было принято решение о ликвидации КУБСов и недопустимости торгово-коммерческой деятельности для профсоюзных секций вузов. Все функции, связанные с обслуживанием студенчества и предприятия КУБСов, были переданы в ведение Правлений вузов. Свою работу по обслуживанию, распределению стипендий и жилья профсоюзы

---

⁷⁸ Там же. № 3. С. 132-134.

⁷⁹ Там же. 1925. № 3-4. С. 82.

теперь могли проводить только через своих представителей в хозяйственно-административных органах учебных заведений. Наиболее жизненной формой улучшения материально-бытовых условий жизни студенчества на конференции были названы КУБУЧи, что и определило политику расширения их сети.⁸⁰

Исполнительное бюро студенческих профсекций координировало работу столов труда, касс взаимопомощи, лекционных бюро и распределяла помощь от профильных профсоюзов. Одновременно в середине 1920-х гг. началось упорядочение работы профсоюзных организаций вузов и, прежде всего, их оформления по производственному принципу. Но на практике процесс реорганизации профсекций растянулся на несколько лет, так как многие студенты, получавшие материальную поддержку в старых профсоюзах, боясь ее потерять, отказывались войти в новые. В этот переходный период профсоюзы самостоятельно оказывали помощь студенчеству, выделяя денежные суммы, продовольствие, одежду и оборудование профсекциям институтов. Они же назначали студентам стипендии или единовременные пособия, распределяли между своими членами путевки в дома отдыха, ремонтировали здания вузов и общежития. Особенно существенно помогали студентам профсоюзы горняков, металлистов, железнодорожников, строителей и коммунальщиков.⁸¹

Однако эта поддержка профсоюзов была не систематической, что отмечалось в отчете Центрального бюро пролетарского студенчества, объединявшего все профессиональные организации высшей школы: «Фактически ЦБПС не могло оказывать сколько-нибудь существенного влияния на политику отдельных союзов в отношении помощи студентам,

---

⁸⁰ Там же. № 5. С. 98,110.

⁸¹ Постников Е.С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921-1927). Тверь, 1996. С. 120-121.

членам данного союза, кроме высказывания общих пожеланий об увеличении размера этой помощи».⁸²

Студенческая пресса 1920-х годов отразила критику в адрес студенческих организаций вуза за бездействие и отсутствие с их стороны реальной помощи. В частности, работа касс взаимопомощи тормозилась из-за отсутствия средств, отчасти, из-за задержек возврата займов самими студентами. Хотя нередко это объяснялось задержками в выдаче стипендий. Впрочем, несмотря на слабую финансовую базу и растраты, о которых неоднократно сообщалось в прессе, студенческие кассы взаимопомощи оказывали помощь студентам. Поэтому к концу 1920-х гг. численность их членов составляла 30-35% всего студенчества.⁸³

Материально-бытовые трудности побуждали студентов к организации самопомощи. В частности, они договаривались с местными распределительными органами и при их содействии открывали студенческие столовые, куда частично или полностью отдавался продовольственный паек. Кроме того, учащиеся и хозяйственные организации вузов создавали свои кооперативы, кассы взаимопомощи и бюро труда, подыскивавшие студентам работу, трудовые артели, а также открывали парикмахерские, прачечные, сапожно-починочные, портняжные и переплетные мастерские, столовые и пекарни, которые на льготных условиях обслуживали студентов. Например, в Ленинградском медицинском институте сапожная и портновская мастерские выполняли заказы и починку по ценам на 40% ниже рыночных, часовая мастерская - на 50-60%, парикмахерская давала скидку в 50%, а фотомастерская – 40%.⁸⁴

Однако далеко не во всех вузах организация производственных и кооперативных предприятий была успешной или вообще проводилась, поскольку у студенчества и учебных заведений нередко отсутствовали

---

⁸² ВЦСПС. Студенческие профессиональные организации. 1927-1929. Отчет ЦБ Пролетстуда ВЦСПС III Всероссийскому съезду пролетарского студенчества. М., 1929. С. 98.

⁸³ Там же. С. 37.

⁸⁴ Студент-Рабочий. 1925. № 2-3. С. 134.

финансовые или технические возможности. Те же органы, которые открывались, редко давали положительные результаты, особенно в начале двадцатых годов, когда непрерывное падение совзнака съедало всю прибыль.

Еще одним механизмом налаживания быта учащихся было заключение студенческими организациями договоров с торгующими предприятиями о предоставлении одежды и обуви в кредит в счет стипендии и в рассрочку. Так, Горный институт добился кредитования в Петроградском потребительском обществе и в Петроодежде, а студенты Технологического института получили галоши со скидкой в 30%.⁸⁵ Исполнительное бюро профсекций 1-го МГУ в ноябре 1925 г. взяло кредит в Москвошвее на покупку готовой одежды в размере 30 тыс. руб. Хотя платеж по кредиту был погашен полностью, вопрос о вторичном кредите решить не удалось.⁸⁶ Более широко осуществлялось кредитование студентов при покупке учебников и книг. Например, Главпрофобр в середине десятилетия заключил договора с рядом издательств («Госиздат», «Ленгиз», «Гостехиздат», «Новая деревня», «Советская медицина» и т.п.), в магазинах которых для студентов предусматривалась скидка (например, 32% - на собственные издания и 25% - на книги, имеющиеся в продаже), а для стипендиатов - шестимесячная рассрочка в оплате.⁸⁷

Тогда как студенческие кооперативы (за исключением трудовых) к середине 1920-х годов, как правило, владели жалкое существование или вообще прекратили свою работу. Их кризис был связан с малой покупательной способностью пайщиков – студентов, отсутствием оборотных средств и дешевого кредита. Жизнеспособными оказались только некоторые студенческие столовые. К концу двадцатых годов, несмотря на льготы, предоставляемые рабочей кооперацией для студенчества в виде пониженного

---

⁸⁵ Там же. 1924. № 7. С. 76.

⁸⁶ Отчет 1-го Московского государственного университета за 1925-26 г. М., 1927. С. 450-451.

⁸⁷ Еженедельник Наркомпроса. 1925. № 34. С. 20; 1926. № 23. С. 8; № 33. С. 12.; № 38. С. 13; № 46. С. 10.

вступительного пая, процент кооперированного студенчества был «чрезвычайно низок».⁸⁸

Еще одной формой поддержки и студенческой взаимопомощи, существовавшей еще в царской России, были землячества, объединявшие студентов – земляков. В начале 1920-х гг., когда были распущены старые студенческие организации, землячества тоже были закрыты. Но через некоторое время они стали возрождаться, хотя у пролетарской части студенчества существовало мнение об их ненужности и даже вредности: « ... землячество – это демократичная внеклассовая организация неизбежно несет обывательский, мелкобуржуазный характер». Самым же главным аргументом за ликвидацию землячеств было то, что они никому не подчинялись.⁸⁹ Впрочем, ЦК РКП (б) в 1922 г. признал организацию землячеств допустимой.⁹⁰ Правда, при этом они в организационном отношении стали подконтрольны профсекциям вузов, которые выдвигали своего представителя, руководившего их работой. В Москве землячества регистрировались в Московском бюро пролетарского студенчества. Кроме того, в их составе было много командированных с мест членов РКП, РКСМ и профсоюзов.

В землячества объединялись учащиеся по территориальному и территориально-национальному принципу. Например, в 1924 г. в Москве их было около 27 с 7 тыс. студентов.⁹¹ Перед ними ставилась задача улучшения материально-бытового положения своих членов, ведения культработы, краеведения и т.п. И эти цели землячества получали средства из местных бюджетов и распределяли их среди студенчества в виде пособий и стипендий. В 1923 г. довольно сильным в Москве считалось Тверское

---

⁸⁸ ВЦСПС. Студенческие профессиональные организации. 1927-1929. Отчет ЦБ Пролетстуда ВЦСПС III Всероссийскому съезду пролетарского студенчества. М., 1929. С. 98.

⁸⁹ Красный студент. 1923. № 4. С. 34-35.

⁹⁰ Отчет Ц.Б. Комстуденчества за период с апреля 1922г. по 1-ое марта 1923 г. М., 1923. С. 6.

⁹¹ Красное студенчество. 1924. № 4. С. 81.

землячество, имеющее в своем распоряжении 141 стипендию, учрежденную губернским исполкомом и хозорганами.⁹² Кроме того, землячества проводили кампании по сбору средств и пожертвований, устраивали «недели помощи», концерты и вечера, заключались договора с хозорганами и учреждениями по обеспечению стипендиями.

Наиболее традиционным видом помощи можно считать поддержку студентов из дома, в том числе совместное проживание на иждивении родителей. Но обнищание населения и катастрофическое экономическое положение в стране в начале 1920-х гг. ослабили финансовые возможности семьи. Кроме того, связь студенчества с домом разрушало введенное большевиками командирование на обучение.

В отличие от стипендиального обеспечения, учета помощи родных учащимся не велось. Тем не менее, в середине десятилетия, по данным Наркомпроса, этим видом поддержки пользовалась «слишком незначительная часть студенчества, в лучшем случае составляющая 10-12% всего количества нуждающегося студенчества». Причем помощь эта по своим размерам «в большинстве случаев была крайне ничтожна».⁹³ Об ограниченности охвата этим видом помощи учащихся говорят, например, материалы анкетного обследования 1927 г. студентов Ленинградского Политехнического института, из которых только 20% жили на средства родных.⁹⁴ В силу этого, большинство студентов были вынуждены совмещать учебу с работой. Но возможности найти постоянный или временный заработок были ограничены по причине существовавшей в двадцатые годы безработицы. В отчете Наркомпроса РСФСР за 1924/1925 учебный год этот вид поддержки характеризовался как очень неустойчивый. Постоянная служба, особенно, для студентов провинциальных вузов была или «вовсе

---

⁹² Студент-Рабочий. 1924. № 1. С. 43.

⁹³ Народное просвещение в РСФСР к 1925/26 учебному году. (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1924/25 г.). М., 1926. С. 113.

⁹⁴ Красное студенчество. 1927. № 9. С. 48.

недоступной», или была «редким и счастливым исключением для одного - двух десятков лиц».⁹⁵

Тем не менее, даже эпизодические подработки имели большое значение в жизни студентов. Р.И. Маркова вспоминала: «Регулярно посещать лекции не удавалось. Приходилось отвлекаться на приработки. Недельного пайка хватало на день, а то и на один присест. Работали на огородах – за картошку; в порту и на железной дороге грузили дрова».⁹⁶ Некоторые студенты могли подрабатывать в мастерских при вузах. Учащиеся объединялись в трудовые артели, а поиском мест подработки для них занимались организуемые при Исполнительных бюро профсекций столы труда. Ими через собственных агентов заключались договоренности с различными предприятиями и учреждениями, портами и вокзалами о предоставлении работы своим членам. Через эти столы осуществлялось и взаимодействие с городскими биржами труда. Но получить работу таким путем могли далеко не все студенты. З.А. Мартинсен, поступившая в вуз сразу после окончания школы, вспоминала, что ей долго не удавалось найти работу: «Биржа труда принимала на учет только членов профсоюза, а, не работая, членом профсоюза не станешь».⁹⁷ То есть получался замкнутый круг.

Как правило, студенческие бюро труда предлагали студентам работу, связанную с неквалифицированным физическим трудом: разгрузка и погрузка на вокзалах и в портах, пилка дров, уборка снега зимой, постройка мостовых, ремонт зданий и т.п. Недостатком такого рода работ была порча одежды. А полученные за ее выполнение деньги зачастую не покрывали затраты на восстановление или приобретение новой одежды. Так, в отчете бюро труда I МГУ говорилось, что в среднем в месяц отказывается от работы около 3-4% человек. Объяснялось это тем, что «на некоторых работах, как

---

⁹⁵ Народное просвещение в РСФСР к 1925/26 учебному году. (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1924/25 г.). М., 1926. С. 113.

⁹⁶ На штурм науки. ... С. 75.

⁹⁷ Там же. С. 139.

например, на складах Москватоба дают разгружать уголь, но при этом не дают ни какой спецодежды». А после того, как в конце 1925 г. снизилась заработная плата неквалифицированных рабочих, число отказывающихся существенно выросло.⁹⁸ Также отказ от предлагаемого заработка мог быть связан с дальностью места работы от дома или общежития. Но нередко жизненные обстоятельства заставляли учащуюся молодежь не чураться любого, в том числе, физического труда.

Меньше всего возможностей улучшить свое финансовое положение было у девушек. Идти на физическую работу, которую все-таки иногда можно найти, они не могли. Основным видом работы, которые девушки могли получить в порту или вокзалах, была починка и штопка мешков, их штамповка, мойка полов и т.п. Более того, наблюдалась разница в оплате мужского и женского труда: «размер заработка для мужчин максимум – 3 руб. 50 коп. в день, минимум – 1 руб. 60 коп., для женщин – 2 руб. 15 коп. и 1 руб.». ⁹⁹

Больше всего студенты жаловались на долгое ожидание в очереди у стола труда вузов, когда никто не мог. Еще дольше приходилось ожидать получку: «Счастливицы получают заработок спустя 1 месяц, 1½, менее счастливые ожидают по 2, по 3 месяца, а неудачники, прождав несколько месяцев, получают гроши в буквальном смысле слова». ¹⁰⁰

Однако, кроме физических и не требующих квалификации подработок, доминировавших в студенческой среде, существовали и другие возможности улучшить свое материальное благосостояние: работа в детских домах и школах, в редакциях и издательствах, выполнение платных общественных работ, переписка и т.п. Привлекательным, но довольно редким видом подработки было участие в киносъёмках в качестве статистов, в массовке, на ролях второго плана. Нередко столам труда удавалось пристроить студентов

---

⁹⁸ Отчет 1-го Московского Государственного Университета за 1925-26 г. М., 1927. С. 451-452.

⁹⁹ Студент-Рабочий. 1925. № 2-3. С. 134.

¹⁰⁰ Красный студент. 1925. № 5. С. 39-40.

в учреждения, связанные с их будущей специальностью. Например, Бюро труда Ленинградского медицинского института устраивало учащихся в качестве сестер и братьев милосердия, санитарок и сиделок в различных больницах, амбулаториях и диспансерах.¹⁰¹ Если в начале XX в. репетиторству принадлежало первенствующее положение среди побочных студенческих подработок, то в 1920-е гг. спрос на него был слабым. Бюро труда вузов констатировали наличие на биржах труда множества «безработных умственного труда», в силу чего студентам не удавалось приложить свои знания в качестве педагогов.¹⁰² В частности, в 1925-1926 учебном году при I МГУ было организовано Бюро репетиторов, но удалось направить на работу всего 50 человек.¹⁰³

Вторая половина 1920-х гг. была периодом организационной постановки студенческой практики, установления ее сроков, принципов проведения и оплаты. В частности, Совнарком РСФСР в октябре 1924 г. принял Постановление, по которому оплата труда студентов, посылаемых на практику, должна была производиться по исполняемой им работе, не ниже ставки 6 разряда действующей тарифной сетки в данном предприятии или учреждении.¹⁰⁴ Но охват практикой студенчества во второй половине 1920-х гг. не был полным. Нередко студентов посылали на работу не по специальности, пренебрежительно к ним относились или использовали как чернорабочих. В ряде случаев предприятия и учреждения давали непригодные для жилья помещения или вообще отказывали практикантам в жилье. В результате заработанные на практике деньги расходовались на оплату комнаты.¹⁰⁵ Пресса сообщала о многочисленных нарушениях в расчете со студентами, когда часть времени, проведенного на практике, не оплачивалась, или они получали ставку ниже предусмотренной

---

¹⁰¹ Студент-Рабочий. 1925. № 2-3. С. 134.

¹⁰² Красный студент. 1923. № 4. С. 48.

¹⁰³ Отчет 1-го Московского Государственного Университета за 1925-26 год. М., 1927. С. 451.

¹⁰⁴ Еженедельник Наркомпроса. 1925. № 17. С. 15-16.

¹⁰⁵ Красное студенчество. 1926. № 7. С. 76-77; 1927. № 4. С. 15-17.

за выполняемую работу.¹⁰⁶ В целом следует отметить, что возможности найти подработку для студентов были крайне ограничены на протяжении всего периода нэпа и не удовлетворяли существовавшие потребности.

Одним из видов студенческой самопомощи стало создание столовых, в которые первоначально частично или полностью передавались пайки. В них также поставляли продукты снабжающие учреждения, но ряд вузов и рабфаков имели собственные земельные участки, которые обрабатывались силами студентов. Выращенные продукты распределялись среди студентов или поступали в столовые. Но в условиях убыточности столовых круг обслуживаемых на льготных условиях учащихся ограничивался, чаще всего, государственными стипендиатами. Кроме того, после ликвидации ВОППС, дотировавшего столовые, обеды в них существенно подорожали. В середине 1920-х годов, как правило, все студенческие столовые переходили на самокупаемость. Например, в столовой при I МГУ обеды подорожали с 18 до 35 коп.¹⁰⁷ По мере угасания студенческой кооперации столовые переходили в управление рабочей кооперации или Нарпита, что также вело к некоторому удорожанию питания или к снижению его качества при сохранении прежней цены. В отчете Комиссии Главпрофобра, которая в январе 1928 г. обследовала рабфаки Сибири, отмечалось: «Обед везде неважного качества, вкуса и не всегда достаточного количества, стоимость обеда высокая (30-32 к.).¹⁰⁸ Свои впечатления о столовой Уральского политехнического института оставил студент М. Москвин: «В первый день мне столовая понравилась. Какой ни есть суп, но суп. На второе – манная каша на воде. Вот думаю, богачи! Во всей России нет манной каши для детей, а тут ею взрослых кормят. На второй день - тот же обед. Мои симпатии к Свердловску растут. [...] На пятый день мой восторг упал. Через две недели я решил, что, если меня не перестанут кормить манной кашей, я

---

¹⁰⁶ Там же. 1927. № 8. С. 12-14; 1927-28. № 7. С. 58-60; 1928-29. № 5. С. 43.

¹⁰⁷ Красная молодежь. 1925. № 2. С. 116.

¹⁰⁸ Рабочие факультеты и профессиональное образование Сибирского края. М., 1928. С. 10.

сбегу». Все три месяца, которые он провел в Свердловске до своего перевода в Киевский политехнический институт, меню столовой не менялось.¹⁰⁹

И при этом питание в студенческой столовой предполагало уровень достатка, который был не ниже размера получаемой студентами стипендии. Данные анкетного обследования части студентов I Политехнического института имени Калинина в Петрограде в 1924 г. показало, что на сумму до 6 руб. в месяц жило 14% опрошенных, на сумму от 6 до 10 руб. – 66% опрошенных (это были стипендиаты), от 10 до 15 руб. – 17,2%, от 15 до 20 руб. – 2,8%. Соответственно отличалась форма питания учащихся: «имеющие на жизнь до 6 руб. готовят сами, от 6-15 столоются в институтской столовой, а остальные столоются в столовой кооператива или частным образом».¹¹⁰

Но далеко не у всех студентов была возможность купить полный обед. Александра Холм, обучавшаяся в первой половине 1920-х гг. в Петроградском университете, вспоминала, что обед из двух блюд – тарелка супа и две мясные котлеты с гарниром – стоил 42 коп., в силу чего она за все время учебы «могла брать в обед только одну тарелку супа без мяса за 9 коп.».¹¹¹ Не все студенты могли позволить себе даже выпить стакан чая на завтрак и в ужин. В отчете, обследовавшем положение рабфаковцев Сибири констатировалось: «Кроме обеда, питание рабфаковцев состоит утром и вечером из стакана свежей воды с хлебом (пьющих чай 10%, имеющих сахар 25%)».¹¹²

С утра и вечером студенты в общежитиях собирались в очереди у кипяtilьника или куба, чтобы получить кипятку. Но многие общежития его не имели. Конец месяца перед получением стипендии сопровождался недоеданием, когда все питание студента в лучшем случае сводилось к обеду

---

¹⁰⁹ Москвин М. Хождение по вузам: воспоминания комсомольца. Paris, 1933. С. 21-22.

¹¹⁰ Красный студент. 1924. № 8-9. С. 44.

¹¹¹ На штурм науки. ... С. 216.

¹¹² Рабочие факультеты и профессиональное образование Сибирского края. М., 1928. С. 10.

в столовой.¹¹³ Современники отмечали: «Когда парень получает на месяц чистоганом 17-18 рублей и живет один, то уж как не вертись, а последнюю неделю месяца клади зубы на полку, никак не дотянешь до стипендии».¹¹⁴ Характеризующими бытовое положение российского студенчества можно считать данные анкетного обследования 113 студентов – комсомольцев Ленинградского университета, которые показывают, что у большинства учащихся питание было нерегулярным: среди них обедающих ежедневно было 39 человек, не ежедневно – 54, с голодовками – 20 человек.¹¹⁵

Для многих студентов обеды были недоступны, поэтому они самостоятельно занимались приготовлением пищи. При этом, так как в некоторых общежитиях не предусматривалось специальной кухни, студентам приходилось устанавливать печурки и примусы, если на их покупку были деньги, непосредственно в жилых комнатах. Решить проблемы бытовой неустроенности студенты пытались, в том числе, путем создания бытовых коммун, представлявших собой коллектив студентов, объединенных по месту проживания. Созданию коммун властями придавалось общественное звучание, связанное с утверждением в повседневной жизнедеятельности людей черт «нового быта». Но на практике в основе большинства коммун лежало стремление упорядочить и улучшить питание и быт студентов, уменьшить затраты личного времени на закупку продуктов, приготовление пищи, уборку и т.д. за счет коллективного выполнения домашнего труда.¹¹⁶ Число членов коммуны, как правило, составляло 10-20 чел., доходя в ряде случаев до 60 и более коммунаров. Общий фонд коммуны создавался из взносов ее членов: иногда это была фиксированная сумма (от 10 и более рублей, в зависимости от количества коммунаров и размера стипендии), в ряде случаев - определенный процент зарплаты. Но в некоторых случаях

---

¹¹³ Красное студенчество. 1926. № 9. С. 32.

¹¹⁴ Красная молодежь. 1925. № 3-4. С. 133.

¹¹⁵ Там же. 1927. № 2. С. 17.

¹¹⁶ См. подробнее: Гнатовская Д.Ю., Зезина М.Р. Бытовые коммуны рабочей и студенческой молодежи во второй половине 20-х – начало 30-х г.г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. № 1. С. 42-44.

обобществлялись все денежные средства. Иногда в коллективное пользование переходили даже одежда и вещи коммунаров. Так, к примеру, поступили члены коммуны, созданной в 1924 г. в здании Ушаковского общежития Лесного института в Москве. Стипендия, заработок и личные вещи студента (книги, обувь, одежда) попали в совместное пользование.¹¹⁷

Прежде всего, денежные суммы расходовались на устройство полноценного питания. В некоторых коммунах предусматривалась, что обедать студент будет в студенческой столовой, на что ему выделялись деньги. Коммуна же заботилась о завтраке или ужине. Поскольку многих питание в столовой не удовлетворяло, то большинство студенческих коллективов обеспечивало коммунаров и обедами. Их приготовлением занимались сами студенты по очереди, а если позволяли средства, то ими нанималась кухарка, которой помогали дежурные. В статье о коллективах Смоленского общежития I МГУ приводились такие сведения о питании коммунаров: «Обед в коллективах обыкновенно обильнее столовочного, но вряд ли питательнее и вкуснее: не станут же повара нанимать. С завтраками разнообразней. У некоторых варят суп, другие готовят чай с белым хлебом. С ужинами еще разнообразнее: и варят, и белый хлеб покупают. Некоторые считают ужином остатки обеда, а если нет таковых, так, сполоснув «чемодан» кипятком, братва успокаивает неприятные ощущения под ложечкой глубокомысленным афоризмом – до утра доживешь».¹¹⁸ Положительные моменты совместного ведения хозяйства были, в большей степени, связаны с сокращением времени на самообслуживание.

Но по причине отсутствия материальной и финансовой базы большинство коммун оказались недолговечными. В статье, анализировавшей деятельность студенческих объединений в общежитии I МГУ, отмечалось, что «последние дни перед получкой стипендии все коллективы влчат жалкое существование, с трудом наскребывая хотя бы на черный хлебушко.

---

¹¹⁷ Красная молодежь. 1924. № 4. С. 91.

¹¹⁸ Там же. 1925. № 3-4. С. 133.

[...] В результате такой политики коллективы во всем воют и кой-где уже потрескивают». ¹¹⁹ Возможности улучшения материального быта коммуной ограничивались малым размером стипендии. Распад коллектива происходил и по причине отсутствия реальной заинтересованности ее членов, разгильдяйства, неорганизованности, низкого уровня культуры бытового поведения, неумения считаться с чужими интересами и излишне идеологизированного взгляда на сущность коммунальной жизни. Ослабляло коллективы не только грубое вторжение в частную жизнь их членов, но и пренебрежение их интересами и потребностями через ограничение личных расходов, поскольку во многих коммунах не предусматривалось у студентов наличие собственных средств.

Испытывали студенты и существенные трудности с повседневной одеждой, вид которой свидетельствовал о крайней ограниченности финансовых возможностей ее приобретения. В начале 1920-х годов государство, приравняв рабфаковцев и некоторую часть студенчества вузов к снабжению учащихся военных учебных заведений, взяло на себя и обеспечение их одеждой. Но на практике вещевое снабжение охватывало незначительную часть учащейся молодежи. В силу этого приобретение одежды практически полностью ложилось на плечи самих учащихся. Такими мог увидеть студентов посетитель 1920-х гг.: «В коридоре около каждой аудитории разнообразная пестрая толпа студентов. Среди старых студенческих форменных костюмов, женских шляпок с цветами, вуалетками, мелькают иногда овчинные полушубки, шинели, потертые пальто, ватники». ¹²⁰ Студентка Петроградского университета И.М. Левина так обрисовала внешний облик однокурсниц: «На девочках платья, сшитые из подкладки старых пальто, из занавесок и штор. Платья шили из простынь, иногда их оставляли белыми, но чаще окрашивали ткань в темные цвета.

---

¹¹⁹ Там же. С. 133-134.

¹²⁰ На штурм науки. ... С. 74.

Ходили в самодельных туфлях и ботинках на веревочной плотной подошве».¹²¹

Интересные бытовые детали приводили и другие студентки Ленинграда: «Одевались по разному, что у кого было. [...] На ноги – мужские ботинки, старенькое пальтишко – «зимой и летом одним цветом», а на голове самодельная кепка. Кепки были в моде. Почти все девушки-студентки носили кепки».¹²² Значительная часть студентов вообще не имели в своем гардеробе самых насущных предметов одежды. Ленинградская студентка тех лет Е. Кудрявцева вспоминала: «Я не имела ни летнего, ни зимнего, ни осеннего пальто и здорово мерзла. Наши коммунары договорились с моряками, и те принесли грубошерстное одеяло, из которого я сшила себе пальто».¹²³ Острый недостаток ощущался в обуви. Обычным было, например, наличие трех пар ботинок на пятерых студентов. Чтобы поддерживать обувь и одежду в приличном состоянии, требовались расходы, на которые не всегда находились деньги. Поэтому отвалившиеся подметки у сапог студенты обычно просто привязывали шнурком. Впрочем, нередко «грязная, расстегнутая косоворотка, сбитая на затылок кепка» и т.п. использовались для создания соответствующего – пролетарского – образа при сдаче экзаменов и назначении стипендии.¹²⁴

Разрозненные данные о расходной части бюджета студентов¹²⁵ позволяют сделать заключение о том, что студенческий бюджет был чрезвычайно напряженным, не допускавшим даже малейшего перерасхода по какой-либо его статье. Если принять за первостепенные расходы траты на питание и жилье, то крайне ограниченными были расходы на гигиенические

---

¹²¹ Так же. С. 114.

¹²² Там же. С. 235.

¹²³ Там же. С. 243.

¹²⁴ Москвин М. Хождение по вузам. Воспоминания комсомольца. Paris, 1933. С. 8-9; Красная молодежь. 1925. №2. С. 111.

¹²⁵ См., например: Рабфаковец.1923. № 2. С. 5-6; Студент. 1924. С. 15; Красное студенчество.1925. № 6-7. С. 38-39; Студент-Рабочий. 1925. № 1. С. 115; Красное студенчество. 1927. № 6. С. 12; Рабочие факультеты и профессиональное образование Сибирского края. М., 1928. С. 9. и др.

потребности и канцелярские товары, а покупка и ремонт одежды, книги, трамвайные расходы и т.д. вообще выходили за пределы возможностей стипендиата. Значительной части студентов приходилось жить на случайные и редкие заработки. Кроме того, она была лишена тех коммунальных льгот, которыми пользовались государственные стипендиаты. И это без учета платности обучения для значительной части студентов,¹²⁶ что является самостоятельным предметом изучения.

В целом можно сделать вывод, что в годы нэпа, несмотря на все усилия новой власти, материальное положение основной массы студенчества оставалось нестабильным и, мягко говоря, скромным. В силу чего, разрешение большинства бытовых неурядиц ложилось на плечи самих учащихся, включая различные формы самоорганизации.

Библиография:

1. Амалиева Г.Г. «Сочувствую РКП (б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...»: Социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е годы // Советская социальная политика 1920-х-1930-х годов: Идеология и повседневность. М., 2007. С. 414-428.
2. Андреев Д.А. «Красное студенчество» в начале 1920-х гг.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. СПб., 2007.
3. Андреев Д.А. Советский студент первой половины 1920-х: особенности самопрезентации // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 156-166.
4. Бюллетень Главпрофобра. 1921. № 9,14,31,32; 1922. № 4,11-12.
5. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса. 1923. № 9,27.
6. Вестник рабочих факультетов. 1922. № 2-6.
7. Весь Ленинград на 1925 год. Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1925.
8. Всесоюзное общество помощи пролетарскому студенчеству. М., 1924.
9. ВЦСПС. Студенческие профессиональные организации. 1927-1929. Отчет ЦБ Пролетстуда ВЦСПС III Всероссийскому съезду пролетарского студенчества. М., 1929.

---

¹²⁶ В целом в высшей школе РСФСР за обучение платили в 1925/1926 учебном году 23,4% общего числа студентов. (См.: Народное просвещение в РСФСР к 1926/27 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1925/26 год. М.; Л., 1927. Приложение 5).

10. Гнатовская Д.Ю., Зезина М.Р. Бытовые коммуны рабочей и студенческой молодежи во второй половине 20-х – начало 30-х г.г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. № 1. С. 42-58.
11. Гольдфарб С., Щербаков Н. Иркутский Государственный Университет. 1918-1998. Хроника событий. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1998.
12. Декреты Советской власти. Т. 2. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Политическая литература, 1964.
13. Еженедельник Наркомпроса. 1923. № 12; 1925. № 17,34,41,45; 1926. № 23,28,33,37,38,46; 1927. № 19.
14. Жилияков Д.А. Материально-бытовые проблемы студенчества сибирских вузов в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-1 (60). С. 50-51.
15. Знамя Рабфаковца. 1922. № 1.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и пленумах (1898-1986) Т. 2. М.: Политиздат, 1983.
17. Красная молодежь. 1924. № 1,3,4; 1925. № 2,3-4,5; 1927. № 2.
18. Красное студенчество. 1924. № 4; 1925. № 3-4,6-7,8; 1926. № 2,3,6,7,8,9; 1927. № 2,4,6,8,9; 1927-28. № 7; 1928-29. № 5.
19. Красный студент. 1923. № 4; 1924. № 6,8-9; 1925. № 2,5.
20. Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.). Л.: Наука, 1984.
21. Москвин М. Хождение по вузам: воспоминания комсомольца. Paris: YMCA - Press, 1933.
22. На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под общей ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
23. Наркомпрос. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений. 1921. № 32.
24. Народное просвещение. 1920. № 74-75.
25. Народное просвещение в РСФСР к 1924/25 учебному году (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1923/24 год). М., 1925.
26. Народное просвещение в РСФСР к 1925/26 учебному году. (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1924/25 г.). М., 1926.
27. Народное просвещение в РСФСР к 1926/27 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1925/26 год. М.; Л., 1927.
28. Народный Комиссариат по Просвещению. 1917- октябрь - 1920. Краткий отчет. М., 1920.
29. Наумова Ю.А. Студенческая пресса России. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный ун-т, 2008.
30. Отчет 1-го Московского государственного университета за 1925-26 г. М., 1927.
31. Отчет Ц.Б. Комстуденчества за период с апреля 1922 г. по 1-ое марта 1923 г. М., 1923.

32. Петаченко Г.А. Быт советского студенчества на страницах молодежных изданий 1920-х - начала 1930-х гг. // Российские и славянские исследования. 2010. Вып. 5 (60). [Электронная версия белорусского научного исторического журнала] <http://www.rsijournal.net/byt-sovetskogo-studenchestva-na-stranicaх-molodezhnyx-izdaniј-1920-x-nachala-1930-x-gg/>
33. Платова Е.А. Динамика образа жизни студенчества России (октябрь 1917-1927 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. СПб., 2007.
34. Постников Е.С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921-1927). Тверь: Тверской госуниверситет, 1996.
35. Пролетарское студенчество. 1922. № 2.
36. Рабочие факультеты и профессиональное образование Сибирского края. М., 1928.
37. Рабфаковец. 1923. № 2.
38. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг. В 2 т. Краснодар: Перспективы образования, 2002.
39. Синанов Б.А. Материальное положение студенчества в 1920-е гг. // Современная методология и методика гуманитарных исследований. Материалы I Зимней школы-конференции молодых ученых, Владикавказ, 2007. С. 95-100.
40. Синанов Б.А. Повседневная жизнь «нового студенчества» Северной Осетии в 1920-х гг.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Владикавказ, 2010.
41. Студент. 1924.
42. Студент – Рабочий. 1921. № 5; 1924. № 1,4-5,7; 1925. № 1,2-3.
43. Томский технологический институт за 25 лет своего существования. 1900 - 1925 (Юбилейный сборник). Томск: Издание Сибирского технологического института, 1928.
44. Чанбарисов Ш.Х. Формирование Советской университетской системы. М.: Высшая школа, 1988.